

гались за преступления политического характера. Страшным бичом для населения империи были законы об оскорблении величества. Они не только сохраняли свое значение при Юстиниане, но, судя по «Тайной истории» Прокопия, получили широчайшее применение. *Crimina laesae majestatis*, трактовавшиеся как государственная измена, занимали важнейшее место среди других уголовных преступлений в 48-й книге Дигест.

На основании высказываний римских юристов Ульпиана, Маркиана, Гермодиана, Папиниана, Сцеволы, Сатурнина и конституций императоров компиляторами VI в. был создан печально знаменитый IV титул 28-й книги Дигест (*Ad legem Juliam majestatis*). Этот закон представлял чрезвычайную опасность для всех граждан римского, а затем византийского государства особенно потому, что он был сформулирован в столь общих, а порою и туманных выражениях, что давал широчайший простор произволу властей. В нем суммировались все преступления, которые рассматривались как государственная измена. К таковым принадлежали: вооруженное восстание в столице или в провинциях против императора, покушение на его жизнь, убийство магистров, подготовка захвата власти¹⁶, тайные сношения с врагами государства, помощь им во время войны¹⁷. Государственным преступником считался и тот, кто своими советами убедил правителя иностранной державы быть менее покорным римлянам, либо из-за чьих действий римская империя получила меньшее число заложников или добычи, нежели другое государство¹⁸. Смертная казнь грозила и за оскорбление статуй императора, причем нередко трудно было установить, нанесено ли повреждение статуям случайно или по злому умыслу¹⁹.

Закон об оскорблении величества был опасен для всех без исключения подданных императора, от самых знатных до бедняков. Обвинителями по политическим делам могли выступать даже лица, лишенные этого права (*qui jus accusandi non habent*): рабы, *famosi* — лица, опорооченные каким-либо преступлением, женщины, по закону не обладавшие правом предъявлять публичные иски (*actiones populares*)²⁰.

Величайшая несправедливость закона об оскорблении величества состояла также и в том, что он допускал перенесение на детей ответственности за преступление родителей. Дети государственных преступников считались виновными в преступлении их родителей. Смерть лица, обвиненного в государственном преступлении, не погашала карательных последствий обвинения, даже если оно не было доказано. Наказанием за государственную измену всегда была смертная казнь и конфискация всего имущества²¹.

«Тайная история» Прокопия как нельзя лучше дает представление о применении на практике в правление Юстиниана грозного закона об оскорблении величества²².

Не менее ярко, чем в законодательстве о политических преступлениях, социальная сущность Юстинианова права сказалась и в законах, направленных против насилия. Их жестокость показывает необычайную напряженность социально-политической борьбы в империи, заставлявшую законодателей применять самые беспощадные меры для охраны

¹⁶ Dig., XLVIII, 4.1.

¹⁷ Dig., XLVIII, 4.2.

¹⁸ Dig., XLVIII, 4.3.4.

¹⁹ Dig., XLVIII, 4.5.6.

²⁰ Dig., XLVIII, 4.7.8.

²¹ Dig., XLVIII, 4.9—11.

²² Р г о с о р., Н. а., XI, 35.